

- ¹ Орел В. Э. Балканские этимологии. 14—28. — В кн.: Этимология 1983. М., 1985; *Он же*. Балканские этимологии 32—39. — *Zeitschrift für Slawistik*, В. 30, N 6, 1985, 911—916.
- ² Куркина Л. В. Словенско-западнотславянские лексические связи. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980, 333.
- ³ См.: *Vuchholz O. et al.* Wörterbuch Albanisch-Deutsch. Leipzig, 1977, 370; *Десицкая А. В.* Славяно-албанские языковые отношения и албанская диалектология. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международная конференция славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, 133.
- ⁴ См.: *Топоров В. Н.* О праславянском **kat-*. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. М., 1962, 6, 172—176.
- ⁵ См.: *Десицкая А. В.* Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963, 46.
- ⁶ См.: *Топоров В. Н.* Указ. соч.; *Он же*. К семье азиатских *kat(a)*, др.-греч. *κατά*. — В кн.: Этимология 1974. М., 1973, 286—297.
- ⁷ См.: *Петрушевски М.* Неколку црти на говорот од Жировница. — *МЖ* 11, 3—4, 1951, 65.
- ⁸ См.: *Трубачев Л. Н.* Следы язычества в славянской лексике. — *Slavistična revija*, XI, 1958, 228—230.
- ⁹ Приведенный выше ономастический материал почерпнут нами из исследования Р. Траутмана: *Trautmann R.* Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. Berlin, 1948—1949, I—II.

Е. С. Отин

РАЗВИТИЕ КОННОТОНИМИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЕ КОННОТОНИМОВ

Процессуальные единицы языка и речи могут иметь устойчивые общеизвестные семантические значения. В конкретных употреблениях их смысловая доминанта определяется связью не с денотатом, а с развившимся позднее понятием. Такие собственные имена (СИ) предлагается именовать коннотативными онимами или коннотонимами. Коннотоним — это всегда собственное имя (антропоним, топоним, реке — эргоним, хрононим и др. онимы), в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями. В сфере речевого общения эти дополнительные понятийные оттенки нередко бывают представлены в необычном для «чистого» СИ эмоционально-экспрессивном ореоле. Утрата СИ денотативности (вызванная забвением денотата) приводит к появлению на их основе отонимных коннотативных апеллятивов или же к полному выпадению их из словаря.

Каждый национальный язык имеет свой весьма трудно поддающийся численному набор такого рода слов — коннотонимию, в состав которой входят не только коннотонимы, сложившиеся внутри данного языка, но и те из них, которые принадлежат международному фонду коннотативных СИ. Ср. в современном русском языке: *Ходынка, Камчатка, Соловки, Черемушки, Митрофан, Фекла; Голгофа, Вавилон, Мекка, Клондайк, Бродвей, Панама, Уотергейт, Армагеддон* и др. При этом в художественной речи, в бесчисленных

речевых контекстах постоянно возникает множество индивидуально-авторских употреблений СИ, коннотативное содержание и окрашенность которых окказиональны. Это один из резервов пополнения узуальной коннотонимии любого языка. Например, *Полинезия* — 'удаленное от центров культурной жизни место' в «Марии» И. Бабеля, *Шираз* — 'поэтическое состояние' в «Крысолове» М. Цветаевой, *Андрей Белый* — 'смелый новатор' у А. Вознесенского («О») и т. д.

Одной из нерешенных задач русской ономастической лексикографии является создание коннотационного словаря собственных имен (далее — КССИ), содержащего прежде всего узуальную коннотонимию, зафиксированную в различных источниках. Окказиональные (речевые) коннотонимы целесообразнее включать в коннотационные словари ономастических лексем языка писателя (например, коннотационные словари СИ в произведениях Достоевского, Маяковского, А. Грина и т. д.) или же в словари коннотонимов в языке писателей, связанных общностью идейно-эстетических позиций и художественных исканий.

Одно и то же СИ в разные периоды своего бытования в речи в различных сферах использования может развить целый пучок значений. Но при этом семантические коннотемы не всегда находятся в синхронных отношениях друг с другом, они часто выступают как разновременные элементы его смысловой структуры. Коннотационное содержание таких СИ обуславливается также их связью с определенным социумом или локальными особенностями именика. Так, библейское имя «первого человека» — *Адам* в народной речи прошлого века было зафиксировано с коннотацией 'человек огромного роста' (Филин 1, 205). В наше время референтная подоснова СИ *Адам* предопределила появление в нем новой коннотации — 'первопоселенец'¹. В течение столетий происходило развитие коннотационной структуры СИ *Вавилон*, в которой объединились комплексы значений библейских СИ — топонима *Вавилон* и особенно хрононима *Вавилонское столпотворение*. На разных хронологических срезах находятся связанные с ним коннотемы: 'обиталище грешников; нравственные пороки; скопление разноязычного люда; большое сооружение' и др. В грамоте Ивана IV королю Сигизмунду Августу (1569 г.) *Вавилон* выступает как коннотоним, противостоящий мелиоративному имени *Сион*: Изборескъ якоже плѣнь Сиона отъ Вавилона возврати намъ. . . (Сб. РИО 71, 580). *Вавилон* — и его синоним *Персида* — в азбучовниках XVI в. толкуются как *размѣшение, смѣтение, размѣсь*². В автографе «Жития» Аввакума из Пустозерского сборника В. Г. Дружинина имеет место «обыгрывание» этих коннотонимов, но только с другим значением — 'место мучения': не по што ходить в Перьсиду, а то дома Вавилонъ (РИБ 39, 65). Коннотация *Персиды* и *Вавилона* лексически раскрыта в другом автографе «Жития» — из Пустозерского сборника И. Н. Заволого: не по што ходить в Персиду мучитца, а то дома Вавилон нажили³. В староукраинском памятнике (1616 г.) «Отписъ на листь униговъ Виленскихъ» *Вавилон* толкуется как «затворжено розуму от злости и страсти» и как «конфузя» («Вавилонъ, албо конфузя»), т. е. 'смятение'⁴. Коннотоним

Вавилон был «тайно» начертан и на челе «женъ», сидящей «на звери червленъ» (аллегорическое изображение порока) в тексте легенды о происхождении табака⁵. Количество подобных примеров можно увеличить. Все они свидетельствуют о богатстве и изменчивости сопредставлений, связанных с данным словом, которое, к тому же, нередко встречается в старорусских текстах и как денотативное СИ. К напему времени коннотоним *Вавилон* сохраняет не менее трех значений⁶, настолько четких и общеизвестных, что это позволило ему участвовать в образовании топонимических парафраз и процессах вторичной топонимизации⁷. Например: *Новый*, или *Сенский*, *Вавилон*, т. е. Парняк⁸, а также урочище *Вавилон* (в устье Дона, возле его рукава — Каланчи)⁹. Ручей *Вавилон* был среди притоков Москвы-реки (впадал в нее в районе Крымского моста)¹⁰. Если возникновение парафраз было мотивировано одним из значений пейоративного плана, то вторичная топонимизация коннотонима *Вавилон* была обусловлена его созначением 'большое сооружение' (урочище *Вавилон* находилось вблизи известных оборонительных сооружений в устье Дона — каланчей, построенных турками для защиты Азова). Что касается гидронима *Вавилон*, то его возникновение скорее всего обязано топонимизации географического апеллятива *вавилон* 'изгиб реки', в свою очередь появившегося вследствие деонимизации коннотонима *Вавилон*.

КССИ должен стать собранием максимального количества доступных выявлению коннотонимов на всех этапах истории русского языка. Современная его часть, естественно, окажется намного представительнее, чем та, которая охватит материал до XIX в. Язык памятников этого периода содержит еще незначительное количество бесспорных коннотонимов. Кроме отмеченных выше имен *Вавилон*, *Персида* и *Сион*, это еще *Аристотель* 'философ, прорицатель', *Капитон* — 'раскольник', *Иерусалим*, *Голгофа*, *Палестина*, гипотетично — антропонимы *Алеша* и *Обросим* (выводятся из коллективных прозвищ *Алеша* и *Обросимы*). Антропоним *Опрѣмъ* (< *Ефремъ* через промежуточную форму *Офрѣмъ*, зафиксированную в одной из новгородских берестяных грамот XV в. — № 298), в качестве коннотонима употреблен в тексте одной из псковских летописей (под 1503 г.) рядом с брашным прозвищем *кормизно*: И князь псковской Иван Горбатов начаша заганивати псковичь, чтобы не бхалъ розно, а они вси по закустовью, и начаша ему псковичи прозвище давати *опрѣмом* и *кормихном*¹¹. Более поздние разговорно-диалектные континуанты библейского имени *Ефрем* (< 'efraim), отмеченные коннотациями пейоративного плана (рус. диал. *Азрамей* 'простофиля' < *Ефремиш*, Филин 1, 297; исследованное в 30-е гг. В. Чернышевым диалектное *охреян* 'лентяй, увалень, неуклюжий, грубый человек', а в XVIII в. еще и 'раскольник' — из *Охрем* под влиянием форм типа *Митреян*, *Васьян*, *Федян* и т. д.¹²) свидетельствуют в пользу того, что старопсковское прозвище *Опрѣмъ* — один из коннотонимов русского языка начала XVI в. Вполне вероятно, что внеязыковая подоснова коннотаций псковского *Опрѣма* и более позднего (XVIII в.) *Охреяна*, да и сами созначения их были неодинаковы. В последнем случае В. Чер-

нышев допускает коннотирование имени церковного писателя IV в. Ефрема Сирина. В тексте «Повести о Ерше Ершовиче» коннотоним *Обросим* представлен в паремии (А дак-де нашево Обросима околачивают)¹³. В «Записках Желябужского» (под 1696 г.) он приводится в плоральной форме как коллективное прозвище: И по указу великих государей они, люди боярские, которые записывались в Преображенском, взяты и повоприбылые солдаты и стрельцы и посланы на Воронеж под Азов, а жон их и детей отдали в Преображенское и с животы. И прозвание им было *Обросимы*¹⁴. Тут же, под 1695 г., приводится и другой групповой антропоним — *Алеша*: В то же время брали даточныхъ на Москвѣ у всѣхъ на пожар бѣгать и караулы стержь вмѣсто стрельцовъ, и прозвание им было *Алеша*¹⁵. Сейчас уже трудно установить «попутный смысл» (О. Эрдман) этих антропонимов в XVII в. В диалектной речи нового времени коннотонимы *Абросим* и *Алеша* (*Алеша*) имеют негативные сопредставления — 'важный, чванливый человек' и 'бахвал' (Филин 1, 191—192, 234). Какие-то близкие им коннотации можно предположить и в антропонимах Петровской эпохи, если учесть, что в *Обросимы* записывались «люди» или «холоди боярские», которым за участие в Азовском походе было обещано Петром I освобождение от крепостной зависимости; *Алешами* же становились «даточные» люди (рекруты), которых использовали вместо стрельцов для караульной службы и тушения пожаров. В одном нет сомнения: в мелиоративной окраске прозвища *Обросим* и пейоративной — *Алеша*.

Коннотонимами в русском языке XVII в. были также личные имена *Антон* и *Мартын*. Первое из них расценивается как «бесчестное», «непристойное» слово в жалобе (1651 г.) Г. Козловского на М. Кутузова, обозвавшего жалобщика «Аньтоном»¹⁶; второе помещено в список оскорбительных слов и выражений, употреблять которые в Судном приказе было запрещено «ответчикам». Этот «Указъ по челобитнымъ о безчестьяхъ» был издан в 1700 г.¹⁷ Не исключено, что коннотонимами были лишь производные (засвидетельствованные в тексте указа) формы *Мартынушко* и *Мартыник*, как, например, в современной разговорной речи антропонимические производные *Гаврик*, *Петруха*, *Аноха*, *Ероха*, *Филя* и др., хотя в диалектах известно и нарицательное имя *мартын* 'некрасивое, безобразное лицо' (Филин 17, 376), возможно, возникшее в результате апеллятивации соответствующего коннотонима, сопровождаемой метонимией (*Мартын* 'некрасивый человек' → 'некрасивое лицо').

Источники XVIII в. демонстрируют уже заметное увеличение русской коннотонимии, по главным образом за счет СИ, входящих в состав так называемых «культурных слов» (*Геркулес*, *Цицерон*, *Голиаф*, *Меценат*, *Минерва*, *Аякс*, *Селапон*, *Ментор*, *Крез*, *Аркадия*, *Афины*, *Август*, *Харон*, *Даламберт*, *Вольтер*, *Парнас*, *Немизиды* и др.), широко используемых в языке панегирической литературы и в риторике — «сладокоречии» (по Ломоносову, прием «автономатизм»). К XVIII в. относятся и первые фиксации коннотативных топонимов некипяного происхождения, например, *Камчатка*. Внеязыковая подоснова его коннотемы 'отдаленное место', судя по ряду

источников, актуализуется примерно в середине XVIII в. (см.: комедия А. П. Сумарокова «Опекун», 1765 г.; староукраинская сатира «Плач киевских монахов», 1786 г. и др.). В 40-е годы XIX в. уже зафиксирован факт повторной топонимизации одного из дериватов этого слова — *Камчатник* (название отдаленной запяжки на Ангаре)¹⁸. Многие коннотонимы XVIII—XIX вв. вошли в современную русскую коннотонимию, хотя набор их «вторичных смыслов» уже иной. Так, в наше время утратил свое значение «отдаленное место» коннотоним *Камчатка*, сохранив старое — «задние ряды, что-то находящееся сзади» и развил новое — «шерстная, пассивная часть коллектива». Некоторые из них, благодаря расширению словесных связей и речевых контекстов, заметно увеличили свою коннотационную наполненность. Другие же утратили свои прежние референтные коннотации и в настоящее время воспринимаются уже как «чистые» онимы, например: *Амур*, *Сахалин* (в XIX—начале XX в. — синонимы *Камчатки*), *Сибирь*, *Перекон*, *Калифорния*, *Плевна*, *Фоблаз*, *Сарданапал* и др. (выделенные разрядкой имена до утраты своих семантических коннотаций испытывали вторичную топонимизацию). Первые — это онимы с живой, а вторые — с угасшей (генетической) коннотацией. Особую группу составляют бывшие коннотонимы, которые пережили апеллитивацию. Их коннотативное значение превратилось в новое денотативное, но при этом аффективный компонент содержательной структуры ими не утрачен (*Фефела*, *Фофан*, *Филон*, *Иуда*, проблематично — *Разгильдий* и др.).

В КССИ (там, где это возможно и необходимо) устанавливается историческая перспектива развития значений — от «чистого» (имеющего лишь первичное референтное значение) СИ к такому его состоянию, когда в нем возникает коннотативный компонент. Определяется характер внеязыковой подосновы коннотемы, а если их несколько — последовательность их появления, типы узальных коннотаций (интерлингвистическая, интралингвистическая — широко известная или территориально ограниченная, интралингвистическая с ограниченной коммуникативной функцией и др.)¹⁹. Задача составителей КССИ — выявление максимального количества контекстов, в которых функционирует тот или иной коннотоним, так как каждый из них — это фрагмент речевой деятельности, в которой происходило развитие его смысловой структуры.

Примечания

- ¹ *Миндлин Эм.* Необыкновенные собеседники. М., 1979, 420.
- ² *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, 275, 297.
- ³ Пустозерский сборник. Автографы Аввакума и Елифанья. Л., 1975, 79—80.
- ⁴ Архив юго-западной России. Киев, 1877, ч. 1, кн. 7, 273, 277.
- ⁵ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. СПб., 1860, вып. 2, 427.
- ⁶ См. статью *Вавилон* в: *Огин Е. С.* Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении. — В кн.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1980, 4—5.

- ⁷ О явлении вторичной топонимизации коннотонимов см.: *Огин Е. С.* Ономастивна ономастична лексика. — Мовознавство. 1978, № 6, 47—53.
- ⁸ *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1912, 541.
- ⁹ Топографическая карта части Азовского моря. . . Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 22 895.
- ¹⁰ Он помещен на первом геодезическом плане Москвы 1739 г., масштаб: 100 саженей в 1 см (ГИМ, Арх. граф. № 23495/Л—58).
- ¹¹ Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. I, 88.
- ¹² *Чернышев В.* Происхождение некоторых нарицательных имен из собственных. — В кн.: Язык и мышление. М.; Л., 1935, III—IV, 172—173.
- ¹³ Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954, 42.
- ¹⁴ Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840, 62.
- ¹⁵ Там же, 41.
- ¹⁶ *Забелин П.* Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст. М., 1895, ч. I, 338.
- ¹⁷ Летопись занятий Археологической комиссии. 1862—1863. СПб., 1862, вып. 2, 94.
- ¹⁸ Записки Отд. рукоп. Гос. биб-ки им. В. И. Ленина. М., 1961, вып. 24, 371.
- ¹⁹ О топонимии ономастических коннотаций см. в указанных наших работах (ссылки 6 и 7).

Ю. В. Откупщиков

ДИАЛЕКТНЫЙ МАТЕРИАЛ И ЭТИМОЛОГИЯ

В своем предисловии к русскому переводу словаря М. Фасмера Б. А. Ларин писал: «В большую заслугу М. Фасмеру некоторые из рецензентов (например, О. Н. Трубачев) ставят включение диалектной лексики и ономастики. Но в этом направлении М. Фасмер сделал лишь первый шаг: из громадного, наличного даже в опубликованных работах диалектального запаса «вплитературных слов» и не менее необъятного запаса местных названий и личных имен он включил лишь какую-то часть. К тому же, как показывают появившиеся рецензии и предпринятая редакцией сверка, именно в диалектных и топонимических этимологиях он допустил больше всего неточностей» (Фасмер I, 8—9).

Действительно, именно подача диалектной лексики является, пожалуй, наиболее слабой стороной словаря М. Фасмера. Прежде всего, самый отбор лексики во многом случаен. Например, сравнительно высокий процент диалектной лексики финно-угорского происхождения в говорах русского Севера объясняется тем, что М. Фасмер широко пользуется известной работой Я. Калима. Немало в словаре диалектизмы тюркского и германского происхождения, в какой-то мере отражены балтизмы. В остальном — это изолированные примеры, нередко сопровождающиеся пометами типа «неясно», «темное слово» и т. п.

Характерно, что при этимологизации русских слов литературного языка М. Фасмер широко привлекает соответствия из родственных п.-е. языков. Этимология диалектных слов очень часто рас-